

АЛЕКСАНДР МЕЩЕРЯКОВ

ЗАЩИТНИК

РОМАН

СОВРЕМЕННЫЙ ТРИЛЛЕР

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Александр Мещеряков

Защитник

<https://litres.ru/74680553>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга рассказов охватывает период времени с 1980 до 2024 года в хронологическом порядке. В 17 лет автор был осужден за кражу, которой не совершал (рассказ "Несостоявшийся международный турнир"), получил три высших образования и в 31 год каким-то чудом поступил на службу в МВД, которую проходил в Краснодарском крае, Чечне, Дагестане, Камчатском крае, Астраханской области, где и дослужился до начальника районного Отдела МВД.

Описывается опыт службы в должностях инспектора по делам несовершеннолетних, участкового уполномоченного милиции, оперуполномоченного управления по борьбе с наркотиками и ряда руководящих должностей.

Перед начальством не кланялся, поэтому на одном месте долго не задерживался. Правдолюбов никто не любит. За время службы 79 раз сдал донорскую кровь.

В 2026 году получил статус адвоката и сейчас продолжает защищать права и интересы граждан.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, желающих, чтобы в стране наступил порядок.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Мещеряков

Защитник

Глава

Круиз с папой.

Мне было семь лет, а папе сорок один год когда он сказал мне, что мы с ним едем в отпуск. Мы жили в двухкомнатной квартире в старом ЖАКТовском доме в центре Ростова-на-Дону вместе с папой, мамой и старшим на шесть лет братом, отец трудился инженером на заводе, выпускавшем эмаль-посуду. Только после развала Советского Союза я узнал, что основным производством на заводе было военное. Мама работала дамским мастером в самой популярной парикмахерской на пересечении главной улицы Энгельса(сейчас и до революции Большая Садовая) и проспекта Буденовского.

Дело было летом, а в сентябре начиналась моя школьная жизнь первоклассника. Папа сказал, что скоро начнутся учебные заботы и дела, до этого мы должны погостить у всех его братьев и сестёр. Для этого он получил отпускные на заводе – это было целых шестьсот рублей. В то время эта сумма для меня ничего не значила, о её покупательной способности я сделал вывод после окончания круиза.

Для начала мы с папой сели в поезд до города Киева(я не знал, что это Украина, не знал, что Алик Симонянц в моей детсадовской группе армянин). Когда я спросил папу, кто из его родственников живёт в этом городе, он ответил: «Никто. Мы едем смотреть матч команд „СКА“(Ростов) и „Динамо“(Киев), заодно немного ознакомимся с городом». С пяти лет я уже бывал на играх «СКА» и «Ростсельмаша», мне нравилось огромное скопление мужчин, которые на стадионах жили совершенно другой, не обыденной жизнью.

Проживая с рождения в миллионном городе я не сильно впечатлился республиканским центром, поэтому никаких достопримечательностей не запомнил. Яркие воспоминания у меня остались от посещения пещер Печерской лавры с мощами святых, купание с маской и трубкой в Днепре, обед варёной колбасой и хлебом в съёмной квартире(было так вкусно!) и футбольный матч с ничейным результатом. Мы, на всякий случай, громко не болели за своих, но в конце матча один из киевлян громко сказал: «Запорожские и донские казаки всегда в мире жили...» Я с ним согласен. Нас поссорили чужеземцы.

Железной дорогой мы добрались до столицы Молдавии – Кишинёва, а оттуда автобусом в пригород — Калараш. У старшей сестры папы – Нины был частный дом, её младшая дочь и старшая внучка были моими ровесниками. Папа в меру дегустировал некрепкое молдавское вино, утром мы с ним

пилили двуручной пилой дрова. Это оказалось нелёгким делом, но мы напилили целую кучу. Из Кишинёва мы на электричке отправились в Одессу.

Там мы взошли на борт морской «Кометы» и больше половины пути я стоял у передней левой двери, держась за перила. Большая часть пассажиров мучилась качкой(была очень хорошая волна), но я был счастлив, что абсолютно не страдаю от неё, хотя судно постоянно вздымалось на волне, а потом до лёгкой для меня тошноты проваливалось вниз, обдавая нас троих-четверых морской водой с ног до головы. И к чести экипажа, ни один человек не выгнал детей, мол, опасно и прочее. Это было настоящее приключение! Мы заходили в Евпаторию, Севастополь, а сошли на берег в Ялте и сразу пошли купаться в море.

Ещё затемно мы сели на троллейбус до Симферополя(больше семидесяти километров) и чудесно провели время, разглядывая живописнейшие крымские пейзажи. После ночёвки в гостинице мы на маленьком самолёте ЯК-42 перелетели Чёрное море и добрались в Новороссийск к папиному двоюродному брату. Во время предполётного досмотра у папы были небольшие проблемы с двумя трёхлитровыми баллонами с молдавским вином(он даже пытался дать попробовать его из пластмассовой крышки сотрудникам аэропорта), но в итоге, убедившись, что жидкость не горючая, нас пустили в мини-лайнер. На борту самолёта впервые в моей не слишком длинной жизни мне принесли на подносе стакан-

чик минеральной воды. Это было так загадочно и ново.

На следующее утро мы с папой пошли на пляж(в Новороссийске он каменистый) и по неопытности уснули. Проснулись ближе к обеду полностью обгоревшими, и весь вечер и следующий день маялись высокой температурой и лежали обмазанные кефиром. Тоже опыт, которому нет цены. Не покидая пределов Кубани мы перебрались к младшему брату папы в Усть-Лабинский район. Там мы вдоволь полакомились фруктами и ягодами и через пару дней на автобусе переехали в граничащий с Ростовской областью район Калмыкии, где обычно проводили часть лета у папиных среднего брата и сестры.

Здесь мы, как обычно, ходили на рыбалку, купались в реках и пруду, питались только непривычным по вкусу мясом свежезабитых животных и птиц, а маленький горожанин получал навыки общения с местной фауной, кормил скотину и птицу, ездил с дядей(крёстным отцом) на тракторе ЮМЗ и на лошади, ведомой под уздцы взрослым.

Впечатлений за время круиза я получил множество, но оказалось, что меня ждал ещё один сюрприз. Мы с папой сели на поезд и поехали в Москву. Там мы остановились у папиной двоюродной сестры. Целью поездки был футбольный матч между ЦСКА и Спартаксом на стадионе «Лужники». Собралось в аккурат сто тысяч человек. Даже для меня, выдавшего вида болельщика, это было очень много. Многоголосый рёв сопровождал каждую минуту матча.

Счёт я не помню, но «бой» был очень серьёзным. После матча вокруг стадиона волновалось море людей. Тротуар был отделен от проезжей части стационарным решётчатым ограждением высотой по пояс взрослому человеку, а я был примерно такой же высоты, как и заборчик. Нам повезло, что мы оказались с этого края толпы, иначе я был бы затоптан. Огромной массой людей меня прижало спиной к ограждению, а папа стоял ко мне лицом, держась за заборчик, а я упирался руками ему в живот. Крепкие папины руки дрожали, лицо перекосило от напряжения, и впервые в жизни я услышал от отца страшный крик: «Вы ж ребёнка задавите!» И ещё несколько очень выразительных, но незнакомых мне ранее слов.

Я уже уткнулся лицом в папин живот, спина и голова были плотно прижаты к ограждению, подумалось, что это конец. И вдруг, чьи-то сильные руки выхватили меня из тесного плена и я, продолжая смотреть на отца, увидел, как два милиционера перетаскивают его к нам, в безопасность. Только тогда я обернулся к тому, кто держал меня на руках. Это был крепкий мужчина лет за тридцать в милицейской форме. Он поставил меня на асфальт, слегка подтолкнул в сторону папы и перекрикивая гул толпы сказал: «Беги, малыш, к папе!». Я бросился к отцу, мы обнялись (я не плакал). Я обернулся и увидел, что мой спаситель, обутый в высокие сапоги, садится на гнедую лошадь, которую за уздечку держит другой кавалерист.

Спасибо этим служивым людям, это их работа – спасать от беды других. Я долго мечтал быть таким же мужественным и сильным. Судьба настигла меня поздно, через 24 года. В итоге я прослужил в органах внутренних дел почти 19 лет, ушёл на пенсию с должности начальника райотдела(в льготном исчислении получилось больше двадцати семи лет).

Вот это приключение! Домой в Ростов мы опять летели, но уже на большом самолёте ТУ – 154. Месяц я рассказывал маме со старшим братом, родственникам, соседям, а затем и своим первым в жизни одноклассникам об этом круизе. К сожалению фотоаппарата у нас не было, и от этого большого путешествия остались только полустёртые воспоминания.

Я постоянно молюсь за душу давно ушедшего отца и мне жаль, что я не могу позволить себе подарить такое чудо своему сыну. В наше время путешествие на Украину и в Молдавию можно осуществить только на танке, да и стоимость такого путешествия в мирное время будет губительной для бюджета честного человека.

Кстати, через восемь лет отцу дали для нас двухкомнатную квартиру в новом девятиэтажном доме, два подъезда из трёх которого были построены на средства военного завода, где работал папа. Примерно в это же время подошла наша очередь на приобретение за пятнадцать тысяч рублей автомобиля «Волга». В семье нашлось только девятьсот рублей, папа отказался от покупки и очередь перешла к следующе-

му работнику завода. Только через несколько лет мы узнали, что граждане продавали такую очередь за три тысячи рублей тем, у кого деньги были. Поэтому, я такой же непрактичный как и мой отец. И горжусь этим.

За базар ответишь!

Считаю, что мне очень повезло родиться и прожить 30 лет в городе Ростове-на-Дону. Уже в Советском Союзе в Ростове числился миллион жителей, соответственно инфраструктура была максимально развита и жить в городе было интересно. Детский сад находился в двух кварталах от нашей квартиры, школа – на таком же расстоянии прямо на проспекте Будёновском. В 1888 году на этом месте была обустроена гимназия, а в 1957 году построено новое здание, сохранившееся и до ныне.

В школе всё было устроено максимально разумно. Территория была в форме квадрата, на котором располагалось здание в форме буквы «Т» трёхэтажной верхней частью на проспект Будёновский, а в нижней части разместились детско-юношеская спортивная школа: 25-метровый плавательный бассейн, над которым находился школьный спортзал. В незанятых зданием квадратах были оборудованы две спортивные площадки с ограждениями 4,5 метра из сетки-рабицы, чтобы не улетали мячи. На них всегда клубился народ, зимой на одной заливался каток.

На фасаде школы по центру были установлены четыре колонны, а с двух сторон от них, в нишах стояли ростовые фигуры школьника и школьницы с портфелями в руках. Напротив школы и сейчас стоит гостиница «Ростов», где имелась кулинария со всякими вкусняшками. Вокруг многоэтажных домов практически не было, школа была нерезиновая, поэтому все 10 классов были трёх параллелей: А, Б и В. Во втором классе к нами пришли мужчина и женщина, оказавшиеся тренерами по плаванию, и пригласили желающих. Так я четыре года и прозанимался плаванием с присвоением второго юношеского разряда. Потом заболел гайморитом (воспалением в пазухах с обеих сторон носа) и с плаванием пришлось завязать.

В двух кварталах от школы за зданием цирка функционировал спортивный клуб армии (СКА-15), где я одновременно с плаванием, с третьего класса без особых успехов занимался классической борьбой. Оттуда меня отчислили после диспансеризации, выявив какое-то нерекомендуемое борцу состояние сосудов головы. Но, база была заложена капитальная, поэтому начав через два года там же, но у другого тренера заниматься дзю-до, я в течении полутора лет стал чемпионом Ростовской области в супертяжёлом весе (свыше 83-х килограмм при весе 78). Конечно, я испытывал серьёзные физические нагрузки, но повзрослевшие сосуды уже справлялись хорошо.

Конфликты между школьниками случались во все времена, мы тоже не были исключением. Как-то мы толпой из разных классов пошли к гостинице «Ростов», рядом с которой был участок земли, огороженный подстриженными кустами высотой метра полтора - идеальное место для разборок. Причиной послужило поведение шестиклассника (назовём его Бакланом), который не следил за своим языком, употребляя нецензурные выражения, а мы уже учились в седьмом. В определённых кругах Ростов называли «папой», а Одессу, как известно «мамой», и к соблюдению не блатных, а человеческих понятий относились по строже.

Вовка, которого оскорбил Баклан, вместе со мной занимался дзю-до, они с противником были одной комплекции. Вовка быстро нанёс Баклану несколько ударов по лицу и тот упал на землю, но быстро вскочил, прихватив из под куста не пойми откуда взявшийся старый брусочек длиной около метра, из которого торчал на 8-10 сантиметров гвоздь. Вовка от такого неспортивного поведения сделал несколько шагов назад, но я подошёл к Баклану сзади, вырвал дрын из его рук и сказал: «Всё должно быть честно!» Вовка ещё несколько раз дал этому козлу по морде и мы разошлись, оставив его сидеть на земле, размазывая кровь по лицу. Скоро мы об этом эпизоде забыли.

Через несколько месяцев вечером я пришёл на школьную площадку, чтобы «повисеть» на турниках-брусьях. Там уже было 5-6 человек, половина из них не из нашей школы. Я за-

нимался около часа и уже стало темнеть. Из-за забора находящегося по соседству от школы детского сада раздавались, молодые мужские голоса, нецензурная брань, смех, какие-то удары. Ещё через несколько минут на площадку зашёл Баклан, постоял немного, встрял в мой разговор со спортсменами и в итоге безпричинно послал меня «на х...й». Я понял, что он не исправим, подошёл к нему и стукнул его разок кулаком по голове. Он скрючился и быстро ушёл.

Через несколько минут на площадку зашёл незнакомый мне ровесник и предложил отойти поговорить. Я был чемпионом области по дзю-до, в безвыходных ситуациях и перedelках ещё не бывал, поэтому пошёл за ним (как баран на заклание). Мы перелезли через забор садика и около беседки я увидел Баклана в группе ребят из 9-10 человек, половина которых были не из нашей школы. Я сразу обратил внимание на известную на районе парочку наших выпускников, которые после восьмого класса ушли один в профтехучилище (ПТУ), а другой в речное училище (РПУ).

Когда они были восьмиклассниками, специально по вечерам ходили на проспект Ворошиловский, проходивший параллельно Буденовскому в четырёх кварталах к востоку. Там они выбирали себе мужчин по неизвестным мне критериям и били их до потери сознания. Они ещё больше подросли, были откровенно крупнее меня, ну и на год-два старше. Мне предложили присесть за стол в беседке. Я чувствовал, что

всё закончится плохо, но убегать было поздно, мне просто не дали бы перелезть через забор.

Они окружили меня, а Баклан прятался где-то за спи-
нами. Я сидел, а все остальные стояли. Через стол со мной
разговаривал парнишка помладше на пару лет, но наглый и
с хорошо подвешенным языком, которого кто-то назвал Ар-
сенем. Тогда никто не делил людей на нации, я был настоя-
щим интернационалистом и относился к нему ровно. Он по-
интересовался у меня, за что я ударил Баклана, я пояснил.
Он пару минут понакалял ситуацию, а потом задал вопрос:
«А если я тебя сейчас пошлю, что будешь делать?» К этом
времени стоявший на лавке ПТУшник с десятого или двена-
дцатого раза выбил ногой металлическое солнышко диамет-
ром около сорока сантиметров из стены беседки. На вопрос
я не ответил. Тогда Арсен громко крикнул: «Иди на х...й!»

Я продолжал сидеть, понимая, что меня сейчас будут
бить. В это время Арсен через стол ударил меня ладонью по
щеке, а остальные сгрудились ещё ближе. Я продолжал мол-
ча сидеть. Кто-то крикнул: «Иди сюда!» и в беседку вошёл
Баклан. «Бей его!» Баклан подошёл и через стол ударил меня
кулаком правой руки в левый висок. Здоровья во мне было
как в слоне, поэтому я этого почти не заметил, а собирался с
силами к продолжению. Тот, что с речного училища позвал
меня из беседки.

Когда я вышел эта парочка быков начала обрабатывать
меня по голове и корпусу кулаками, а ногами они драться не

умели (я тогда ещё тоже). Голову я прятал и уворачивался, что их ещё больше злило. Происходило это уже пару минут и они запыхались, так как оба курили, а я, кстати, тогда ещё нет. Они остановились и смотрели на меня, а я без всякого выражения на них. По лицу они пару раз случайно чиркнули кулаками, мой корпус, привычный, страхуясь, падать с высоты человеческого роста не чувствовал никакой необычной боли. Это произвело на них впечатление, они переглянулись и речник сказал: «Давай, иди отсюда!»

Я не стал ждать второго приглашения, перелез через забор и пошёл в сторону дома. Единственную боль я чувствовал на выпуклом бугорке за правым ухом, которую в анатомии называют сосцевидным отростком височной кости. Я понял, что их репутация «избивальщиков взрослых мужиков» была плодом их фантазии.

Кроме того, мне стало ясно, что понятия чести работают только тогда, когда за тобой есть сила, а в мире полно всякой нечисти, которая сбивается в стаи и творит тёмные дела, потому что в одиночку ни на что не способна. Потом, во время службы в армии и милиции, я много раз сталкивался с превосходящим по численности противником, но никогда не проиграл. Да и в тот раз я не проиграл, просто не хватило опыта. Люди добрые! Ведите здоровый образ жизни, готовьтесь к бою, ищите соратников, любите нашу Родину – Святую Русь!

Несостоявшийся международный турнир.

Лёха окончил восемь классов, поступил в техникум и бросил заниматься дзю-до(за два года до этого стал чемпионом области), потому что переехал с родителями в новую двухкомнатную квартиру в новостройке на окраине миллионного города, полученную без всякой оплаты его отцом, работавшим инженером на заводе двойного назначения(выпускали официально гражданскую продукцию, а на самом деле – военную). Советскому Союзу оставалось жить ещё три года.

Мать трудилась парикмахером, отец мог «доставать»(выписывать по госцене пользуясь своим служебным положением) на заводе дефицитную продукцию и стройматериалы, но как коммунист никогда этого не делал, поэтому лишних денег не водилось, дачу брать не стали, а подошедшую очередь на автомобиль «Волга» просто уступили следующему работнику завода, даже не зная, что по всей страны люди её продают.

Появился постоянный источник дохода – стипендия 30 рублей, а после окончания без троек первого курса добавили ещё 7,50. Старший брат-студент ВУЗа подрабатывал соцработником и разрешил обслуживать одну из его бабушек(три раза в неделю ходить для неё за покупками в магазин), за что давал 15 рублей в месяц, которыми Лёха расплачивался за тренировки по карате Кёкусинкай. На соревнования не ез-

дил, на пояса не сдавал, занимался для себя.

Спрашивается, что тебе, скотина, ещё надо? Хотелось казаться взрослым, самостоятельным. Начал пить со старшекурсниками пиво, потом напитки по-крепче. Чтобы не бухать на улице(кабаки были не по карману), начали нагло проходить мимо вахты в общежитие техникума, а когда перестали пускать, стали лазить в окна второго этажа по спущенному жильцами покрывалу, так как выпившей компании из крепких местных парней никто не мог отказать.

В тот день Лоцман(такое морское прозвище дали Лёхе в техникуме) с тремя старшекурсниками: Хозом(Костей), Назаром(Олегом) и Егором(Олегом) пили пиво в одной из комнат общежития. Часть денег на пиво были свои, остальное «настреляли» у студентов на входе в техникум(угостить компанию и, тем самым подружиться с её членами, считалось в техникуме хорошим тоном).

В какой-то момент пьяный разговор коснулся, как водится, навыков рукопашного боя. Лоцман разошёлся, вскочил, начал наносить эффектные удары ногами по воздуху(кёкусинкай – самый жёсткий из стилей карате с очень мощной техникой ударов ногами). Все зааплодировали, а затем кто-то ляпнул: «А с Мансуром справишься?» Дело в том, что в том техникуме учились и проживали в общежитии граждане Афганистана, Пакистана, Ирака, Йемена, Камбоджи. Мансур был родом из Афганистана, на уроках физвоспитания то-

же иногда махал ногами, по слухам занимался тхэ-квон-до.

Алкогольная энергия разливалась по молодому и сильно-му телу Лёхи, плюс Мансур был килограммов на двадцать легче, и он воскликнул: «Легко!» Жирный Назар поленился идти, а остальная троица в возбуждённом состоянии вывалилась из комнаты. В коридоре на ходу спросили, в какой комнате живёт Мансур, им сказали. Поднявшись на этаж выше каратист постучал в дверь с казалось бы нужным номером. Никто не открывал, и боец громко позвал соперника, а в ответ тишина.

Собутыльники начали подначивать и, расхрабрившись, Лоцман ударил майя-гери (прямой удар ногой) в дверь, которая сразу вместе с петлями упала внутрь комнаты. Наступила мёртвая тишина. Подождав несколько секунд, Лёха прошёл по двери в комнату, увидел, что в ней никого нет и вышел. «Никого», сказал он приятелям, смотревшим на него широко раскрытыми глазами. Хоз зачем-то зашёл внутрь и почти сразу вышел, но уже с двухкассетным магнитофоном в руках. Егор промолчал, а Лёха возмущённо рыкнул: «Зачем взял? Поставь на место!» Тот ответил: «Послушаем и вернём». Хоз был старше курсом и поавторитетней Лёхи и уже пошёл по коридору. Все вернулись в комнату и продолжили пить пиво под музыку.

Через полчаса в дверь постучали и сказали, что комната была другого гражданина Афганистана – Абдулы, он вернулся домой и теперь в общагу едет милиция. Все перегляну-

лись, Лёха с укоризною посмотрел на Хоза и тот отдал гонцу «мофон» со словами: «Верни хозяину». По понятным причинам засиживаться не стали и покинули общагу через дверь в подвале.

Через день телефонным звонком в техникум Хоза и Лёху вызвали в ОВД и молодой оперок-лейтенант Саша Спесивцев весело убедил 18-ти и 17 летних студентов, что у них полный отказ от преступления, раз они вернули двухкассетник, и получил от них письменные показания, на основании которых было возбуждено уголовное дело по квартирной краже и они даже провели трое суток в камере предварительного заключения.

Перед залом суда маленький и дохленький Абдула, издеваясь, заглядывал Лёхе в глаза и спрашивал: «Хочешь в тюрьму?» Пришлось, потупив глаза ответить: «Нет». Пришедшие в суд выбритыми, одетыми в белые рубашки и чёрные брюки подсудимые, вины не признали, потому что не имели умысла на совершение кражи. Но речь шла об обиженном иностранном гражданине и Хоз уехал на два года на «химию», а Лоцману дали два года с отсрочкой приговора.

Понятно, что «палочная система» в МВД сложилась давно, им нужно отчитываться за раскрытые преступления. Зачем заниматься нераскрытыми преступлениями («глухарями»), если можно повысить процент раскрываемости оформив таких глупых мальчишек. Никто не стал разбираться,

зачем ты выбил дверь, хотел ты воровать, прикасался ли ты к чужому имуществу.

И сами парни тоже хороши, скажите сразу родителям, они прибегут, помогут отремонтировать выбитую дверь, в присутствии директора техникума заставят вас извиниться перед иностранным студентом. И будет урок на всю жизнь, а не сломанная судьба. И сейчас часто бывает, что дети на каникулах лезут в помещения полузаброшенных предприятий, организовывают там себе «штабы», попутно сдавая в пункты приёма весь найденный там металл. А потом их судят за проникновение, совершённое группой лиц с целью хищения!

Капиталистическая система заставляет родителей много работать, следить за детьми им некогда, государственная система организации досуга неэффективна и неинтересна молодёжи. Со страниц различных мессенджеров в Сети на юношей и девушек льётся река развращающего контента. Храмы, спортзалы, дворцы культуры пустуют, снижается уровень здоровья и рождаемости. Против нас идёт война! Нам нужно остановиться, оглядеться вокруг и начать возрождать Великую Россию, спасать своих детей и увеличивать их количество!

Негероические шрамы.

Министерство внутренних дел России, чтобы выглядеть прилично, постоянно играет цифрами, характеризующими

преступность. То прячут процент злодеяний, совершённых мигрантами, то несовершеннолетними, то в состоянии алкогольного или иного опьянения. Но и без точных цифр все люди на планете Земля знают, что человек, дошедший до определённой степени опьянения, перестаёт отвечать за свои действия и способен на любые, самые безумные поступки.

К сожалению Россия утратила патриархальный уклад жизни, где всё шло по плану, дети слушались родителей и просили у них благословения на начало каждого доброго дела, а лучше ещё у своего приходского священника (духовника). В середине 20-х годов XXI века, правда, молодёжь стала пьянствовать меньше, больше стала налегать на энергетики, а наркотики, в основном, употребляет творческая среда (богема) и прослойка тунеядцев (некоторые из них иногда работают, но это ненадолго).

Один монах в Египте много лет сражался с бесом. Однажды бес предложил монаху следующее: «Соверши убийство или блуд или пьянство – и я от тебя отстану навсегда!» Монах задумался: «Убийство и блуд – страшно, а пьянство, вроде, ничего такого – утром просплюсь и будет всё нормально». Пошёл, напился, в процессе к нему подошла падшая женщина и он с ней развлёкся, а потом в пьяной драке убил человека.

Поэтому, алкоголь – страшный враг человека, и вообще непонятно, для какой цели люди изменяют своё сознание. Но такие выводы к дуракам приходят с множеством своих соб-

ственных совершённых ошибок, а умные люди смотрят на других и не делают глупостей, а ведут себя прилично: занимаются спортом, создают семьи, строят далеко идущие планы.

Но, именно во время учёбы в техникуме я, к сожалению, множество раз злоупотреблял спиртным, отчего получал травмы, что в будущем отрицательно сказалось на моём здоровье. Кроме того, очень стыдно, что средства на эти попойки часто добывались выпрашиванием у других студентов прямо на парапете техникума. Многие студенты сжались над несколькими своими спортивно сложенными коллегами с хорошо подвешенными языками и охотно делились незначительными суммами, которые в итоге складывались в достаточную для посещения некоторых увеселительных заведений Ростова-на-Дону.

Техникум и сейчас находится в центре города, правда, в статусе филиала института, поэтому нам не приходилось далеко отходить от места учёбы, чтобы повеселиться. На территории было общежитие, в котором тоже всегда можно было найти место для посиделок.

Однажды в начале 90-х летом после занятий нашу толпу из десяти человек (трое из них были дамами на пару курсов моложе) занесло аж на восемь кварталов от техникума. Все уже были уже хорошенько подогреты спиртным и нам было нужно место, где можно недорого продолжить. Мы сняли два

номера в гостинице «Южная» на проспекте Ворошиловском и в беспорядке заняли их. Мы сразу откупорили бутылки с шампанским и стали выпивать. Люди постоянно ходили из номера в номер, поэтому уследить сколько нас было в каждый момент времени было сложно.

У стола нас стояло несколько человек, и в это время парень на курс старше по имени Олег с репутацией бультерьера начал грязно домогаться к одной из ледей. Она была явно против, да и я тоже, потому что знал её довольно близко. Я сделал Олегу недвусмысленное замечание, на что он повернулся ко мне и, внезапно, стоя прямо передо мной, нанёс мне удар по затылку слева почти пустой бутылкой шампанского, которую он незаметно взял со стола сзади правой рукой. В глазах у меня на «весь экран» резко появилась яркая белая вспышка.

Я твёрдо стоял на ногах, но ничего не видел. Вспышка резко собралась в одну точку прямо передо мной и в это время моя голова снова мотнулась от мощного удара бутылкой в то же место. Вспышка тут же вернулась на место. Вокруг слышны были чьи-то голоса, но я ничего не мог разобрать. Через секунду вспышка снова свернулась в точку и тут я получил третий удар в то же место. Глаза опять застлало белым, но, видимо, к общему удивлению я стоял. За несколько лет до этого я был чемпионом области по дзю-до, потом год занимался каратэ кёкусинкай, поэтому положить меня было ооочень тяжело.

Алгоритм дальнейших действий был понятен уже любому, даже три раза получать шампанским по голове было просто опасно для жизни, а этот гад не давал мне прийти в себя. Я резко поднял левую руку на уровень головы и в неё тут же чётко вложилась рука старшекурсника с бутылкой. Зафиксировав его руку своей кистью, и начиная снова видеть, я ударил его рукой о своё поднятое в сторону левое колено, и бутылка выпала. Держа его руку в своей и видя в его округлившихся глазах дикий ужас, я уложил его одним прямым ударом правой руки на паркет.

Номер был полон людей, но всё это время никто нас разнимать даже не пытался, потому что все боялись неуправляемого бультерьера, а меня почти списали. Не дав ему встать, я наподдал ему с ноги в корпус и он покатился по полу. Ростом он был на голову ниже меня, а весом килограмм на 25 больше.

В это время в номер ворвалась горничная и заорала, что вызвала милицию. Мы все бросили наутёк, и набились полный лифт (этаж уже не помню), а непоместившаяся часть побежала вниз по лестнице. Я огляделся и увидел Олега, тихонько стоявшего в углу лифта. Я молча развернулся к нему и он осел вниз, получив от меня по очереди обоими локтями по голове. Мы выбежали из гостиницы, но не успели разбежаться, так как на меня уже шёл Олег с «розочкой» от разбитой поллитровой бутылки. Он мне уже надоел, поэтому я

просто дал ему в ухо правой ногой и он упал. В это время кто-то, подошедший сзади, и аккуратно, но крепко взял меня за руку.

Я обернулся и увидел сержанта милиции, а с ним ещё нескольких сотрудников. Он участливо спросил меня, кивая на мой затылок: «Это он тебя так?» Только теперь, выйдя из горячки боя, я почувствовал, что вся шея и спина у меня залиты кровью. Я молча кивнул. Поднявшегося с асфальта Олега вместе со мной повели по улице и через пару сотен метров завели в оказавшееся так близко здание ОВД. Меня посадили на лавку вместе с другими людьми (я их не рассматривал, потому что слегка кружилась голова), а Олега увели куда-то. Оценив обстановку, я понял, что мне тут нечего делать и надо сваливать. Через минуту я картинно съехал с лавки на пол, пустил изо рта струйку слюны и прикинулсядохлым.

Послышались встревоженные голоса, меня положили на освободившуюся лавку и через пять минут перенесли в подоспевшую карету «скорой помощи», где мне за 20 минут дороги в больницу скорой помощи (БСМП-2) пришлось безропотно выдерживать ощупывания, помазывания, понюхивания нашатыря и два укола. На подходе к цели маршрута я, слава Богу, «начал приходить в себя». Цель была достигнута, с ментовки я улизнул, и мне не пришлось давать показания против «брата Олежки», потому что это было «не по понятиям».

Осматривавший меня врач, обозвал меня симулянтом и велел зашить мне несколькими швами голову, после чего меня отпустили вытрезвляться домой. С Олегом в техникуме мы продолжали общаться, хотя я ему сказал, что при первой же его подобной шутке, я его втопчу в землю. Испытав на себе седьмую часть моего ударного арсенала и ноль борцовского, он благоразумно согласился вести себя тихонечко. Таким образом у меня на затылке на всю жизнь остался заметный шрам длиной три с половиной сантиметра.

Я был уже на третьем курсе из четырёх, все в техникуме меня знали, и моя папка с дежурной общей тетрадью, намеренно оставленная на подоконнике в вестибюле (чтобы не мешала), оставалась неприкосновенной.

В очередной раз я злоупотребил спиртным так, что даже не помнил чем всё закончилось и как я попал домой, а жил я на Западном жилом массиве в десяти километрах от центра города. В техникум, однако, я приехал вовремя и даже пытался на паре воспринять учебный материал, но чувствовал себя плоховато, поэтому получилось не очень. На перерыве я вышел на парапет, где обычно клубилось человек двадцать, а народ сновал по лестницам с обеих сторон.

Ко мне подошёл незнакомый парень моего возраста, но на полголовы ниже и поскромнее комплекцией и спросил, используя моё прозвище, я ли это? На мой утвердительный ответ он отреагировал ударом правой в голову. Имеющийся у меня в этом учебном заведении авторитет не предполагал

такого обращения со мной, поэтому удар я просто пропустил от неожиданности.

Быстро схватив его обеими руками за отвороты куртки и не давая своими локтями действовать его рукам, я спросил: «Чё случилось?» Он начал что-то верещать о том, что я обидел его брата. Я понял, что вчера по пьяне с кем-то что-то сделал. Это было плохо и неприлично, но авторитет нельзя было терять, тем более, что вокруг было человек сто народу и все за нами наблюдали. Поэтому разговаривать с ним мне больше было не о чем и я, не отпуская отворотов его куртки жёстко пробил правым локтем ему в челюсть. Башка его мотнулась, но я не дал ему упасть, а затем чуть оттолкнул от себя, разрывая дистанцию.

Он пару секунд пошатываясь стоял, а потом выплюнул себе на ладонь коренной зуб. Он растерянно посмотрел на него, потом на меня, и яростно бросился в бой. Я этого ждал и аплitudно размахнувшись головой, ударил его лбом в область рта. Его снова откинуло, он шатался, а я не хотел его калечить и ждал, когда ему уже будет достаточно телесных повреждений, чтобы он отступил. Но характер у него был стойкий, поэтому он удачно провёл проход мне в ноги. Обхватив меня за пояс он приподнял меня и попытался сбросить с парапета с высоты более двух метров.

Конечно, о том, что соперник является не только ударником, но и борцом в уличной драке узнаёшь неожиданно. Но он не на того напал. Я руками стабилизировал своё положение.

ние, понизил центр тяжести и мои ноги снова обрели твёрдую почву. Теперь уже я обхватил его за пояс, поднял, перевернул в воздухе параллельно полу и припечатал на гранитные плиты парапета.

Снова дождавшись, когда он поднимется, я зарядил ему маваши в голову правой ногой (боковой удар), и пока он не оклемался, развернул его лицом к стене и с силой ударил его об неё лбом. На стене появился рисунок взрыва из его крови. Студенты в это не вмешивались, а взрослые мужики с остановки общественного транспорта напротив техникума прибежали и оттащили меня от пациента. Из моего рассечённого о зубы противника лба текла кровь и я пошёл в техникум умыться.

Когда я через минут пять вышел на парапет, то огляделся и увидел своего визави справа метрах в ста пятидесяти около нашего общежития. Я подошёл нему и увидел, как жестоко я с ним обошёлся: второй зуб спереди тоже обломился, всё лицо опухло, на лбу был огромный кровоподтёк. Он понимал, что шансов выжить у него нет (я был крупнее и намного лучше подготовлен), но настоящий воин всегда благороден и не обидит слабого, тем более, что он таким не был. Я похвалил его за бойцовский характер, принёс извинения за его младшего брата, мы по-мужски пожали руки и попрощались.

Из-за того, что кровь сочилась из рассечённого лба без остановки, я поехал в центральную городскую больницу

(ЦГБ), где в тамошнем травмпункте мне выбрали лоб и наложили два шва ниткой толщиной 1,2 мм. Я спросил врача, не осталось ли чего в ране, она ответила отрицательно. На утро со лба на глаза спустилась огромная опухоль и глаза закрылись, поэтому когда меня приехали провести сокурсники, то моя победа стала похожа на поражение. Через три месяца у меня на лбу образовалась мягкая опухоль, из которой медики выдавили полстакана гноя и ползуба, благополучно проношенного в голове всё это время. От этого образовался очень заметный шрам.

Никому не советую употреблять спиртное никогда (сам уже девять лет не употребляю). Бить противника головой тоже не рекомендую, кроме случаев, когда заняты руки и ноги. Выглядит эффектно, а толк есть только если удаётся положить нос. В общем, не фиг лазить, где бомбят. Если бы сидел дома с книжкой, то три человека остались бы целы и невредимы: я и мой соперник с братом.

Нашествие Мамая.

Через четыре месяца службы в армии на Кубани(1994 год)наш состоящий из двух рот батальон(третью сократили годом раньше)расформировали, оставили отдельную роту, а нас, 20 солдат, оказавшимися лишними, отправили в отдельную роту в Ростов-на-Дону. С одной стороны, дома и стены помогают, а с другой – времена были тяжёлые, и я попросил

родителей не приходиться ко мне в часть и гостинцев не приносить.

В Ейске у нас в роте было 54 человека, поэтому мы все помешались в большом кубрике, а в малом у нас был оборудован спортзал. Сапоги на ночь мы ставили в сушилку(специальная комната, где висела верхняя одежда и стояла обувь), в которой было очень тепло и работала вентиляция. Поэтому, если какой-нибудь «чухан» ленился вымыть на ночь ноги, то сержанты по запаху находили его и пинками отправляли в умывальник. Мы привыкли, что в казарме было проветрено и ничем не пахло.

В Ростове в такой же казарме размещался 121 человек, все кровати, расположенные около стен, имели второй ярус. Но самое неприятное, что каждый боец на ночь оставлял свои сапоги и портянки под табуреткой в ногах своей кровати. Вонь в помещении была неимоверная, по-любому испарения сапожного крема, ваксы, пота дурно влияли на здоровье, но так положено было по Уставу. Мы были отдельной ротой ВСО(военно-строительных отрядов).

Рядом с нашей казармой располагалась третья рота строительного батальона из четырёх рот по 120 бойцов в каждой, то есть вместе с нами в части было 600 человек стройбата, не считая офицеров и прапорщиков. Кроме того, в этой же части был дислоцирован автомобильный батальон в котором служило 200 солдат.

В третьей роте было 20 русских, 93 дагестанца и ещё кто-

то, а в нашей роте было 4 карачаевца, 2 дагестанца, а остальные славяне. Два карачаевца жили и работали в каком-то колхозе, откуда нам поступали овощи, один был коптёрщиком, а один трудился, как все. Замкомвзвода, старший сержант аварец Шамиль был полностью адекватным, а вот его соплеменник по прозвищу Мамай был ещё тот пациент. Он был из какого-то горного аула, всё время пытался неудачно чинить электротехнику, пристёбывался к молодым солдатам, хотя был ростом 168 см и не был Гераклом. Но он и Шамиль были старше призывом и большинству бойцов приходилось терпеть мамайские выходки(ну, стукнет пару раз, ну, заставит что-нибудь перенести). Никаких зверств не было, русские не позволяли.

В это время личный состав уже почти сменился и в роте оставалось человек 10 дембелей, 20 дедов, 35 черпаков(мой призыв) и 55 духов, одетых не в советскую качественную форму коричневого цвета(стекляшку), а в форму зелёного цвета из какого-то непонятного и неприятного на ощупь полотна. Как-то я был в наряде дневальным и стоял перед входом в казарму около тумбочки. Проходивший мимо Мамай подошёл ко мне и попытался потолкать меня в грудь и потыкать мне в живот кулаком, но я убрал его руки и предложил ему идти своей дорогой. Он ушёл очень недовольный. Мне был уже 21 год, вес 100 кг., я был местным ростовчанином, имел в активе 4 года плавания, первое место в области по дзю-до, год тренировок в секции карате Киокёшинкай и

большую практику драк на улицах не самого спокойного в стране миллионного города.

Как-то в выходной день мы смотрели телевизор в ленинской комнате, где стояли три ряда столов со стульями для занятий. Я сидел за третьим столом среднего ряда один, впереди сидел заместитель командира моего взвода старший сержант Виталий Л. Мамай прыгал в проходе между первым от окна рядом столов и нашими столами и метал длинный нож в сторону задней стены кабинета. Я оглянулся и увидел, что у стены стоит молодой солдат с обречённым лицом, а Мамай снова промахивается в него ножом(нож отскочил от стены). Я постучал ладонью по спине сержанта и сказал: «Виталья, смотри!» Он обернулся, увидел испуганного духа, вскочил и вырвал нож из рук Мамаё. Мамай что-то обиженно заверещал, но нож остался у сержанта, а мальчишке велели идти по-добру по-здорову.

Я был в очень хорошей физической форме, занимался спортом, много работал(мы строили целый военный городок для десантников). Несколько раз мне удавалось ударом сверху разбить сразу три кирпича. Но однажды во время такой тренировки я повредил правую кисть и стал носить её на перевязи. Утром я выходил из курилки, держал правую гипсованную кисть на перевязи, а в левой у меня была зажата пилотка и зажигалка. Я хотел прикурить сигарету, но в это время справа кто-то сильно тычком ударил меня ладонью по лицу. Сигарета вылетела изо рта, я разжал левую руку, чтобы

выронить пилотку и зажигалку, сформировал кулак и ударил вправо, одновременно поворачивая в ту же сторону голову. Стало понятно, что от моего удара отлетает Мамай, который, видимо, дождался, когда я стану одноруким и решил со мной поквитаться. На ногах он удержался.

Вокруг стояли 50 молодых солдат, сидели на лавках 25 моих черпаков и человек 12 дедов. Кворум был, поэтому проблему надо было решать. Я сказал: «Мамай, ты? Ну, иди сюда!», и заложил правую кисть за голову, чтобы не повредить. Он пошёл на меня. Я намеренно с невысокой скоростью поднял левую ногу до уровня его пояса. Он двумя руками отбил удар. Блестяще! Алгоритм стал ясен. Я сделал шаг назад. Он шагнул вперёд и я снова с той же скоростью не ударил, а поднял ногу. Он опустил обе руки, чтобы отбить удар, и я левой рукой потушил ему правый глаз. Он упал, вскочил и бросился ко мне, но его перехватили. И правильно, глаз уже ничего не видел, следующий удар он бы не перенёс. Пару дедов бросились ко мне с криком: «Здоровый, ты оху... л?» (такое было у меня прозвище). Но 20 черпаков дружно встали и хором крикнули: «Сидеть!» Деды сразу заскучили и начали заботливо оказывать помощь Мамаю.

Всю ночь мы ждали дагестанский десант из третьей роты, готовы были биться насмерть, но никто не пришёл. Но Мамай был не таков! Он подождал пока всё утихнет и через пару недель позвал меня в сушилку. Когда мы туда заходили,

я, вроде, никого больше не увидел. Внезапно Мамай выхватил из ящика тот самый длинный нож, схватил меня за форму на груди и, держа нож около своего правого бедра, чтобы я не смог его выбить, закричал: «Здоровый! Здоровый! Обещай, что больше никогда меня не тронешь!» Я за секунду оценил обстановку и сказал: «Обещаю, что больше никогда тебя не трону». Он отпрыгнул назад, одновременно отпустив мою одежду и крикнул: «Иди!» И я вышел из сушилки от греха подальше. До конца совместной службы мы с Мамаем хранили нейтралитет.

На время отпуска старшины роты старшего прапорщика, он предложил мне стать коптёрщиком, чтобы сохранить имущество и я согласился. Опыта работы с материальными ценностями у меня не было, уголовная субкультура в наших войсках из-за большого количества судимых процветала, офицеров за глаза презрительно называли «шакалами». Карачаевец на неофициальной должности коптёрщика(помощника старшины) был жадиной, ни материи для подшивания воротников формы, ни мыла допроситься у него было невозможно. Но я, добрая душа, за 45 дней отпуска старшины раздал несколько новых простыней для подшивы(бойцы их разорвали на полосы)и с товарищами сожрал несколько килограмм орехов и изюма из вещей офицера, хранившего своё имущество у нас после вывода наших войск из Германии.

После этого я сразу перестал быть коптёрщиком и кара-

чаевец воцарился снова. Чтобы ещё больше самоутвердиться, он во время еженедельной поездки в городскую баню попытался выдать мне очень узкие и короткие замурзанные портянки, за что был забит мною ногами в узкий металлический шкафчик для хранения вещей.

Меня остановили, но в части я отвёл его за казарму, где он просто без всякого нажима с моей стороны извинился и попросил сильно его не бить. На что русский воин ответил, что повинную голову и меч не сечёт, и посоветовал его в будущем быть человечнее, так как от правильного поведения будет зависеть его жизнь и здоровье. Больше он на моём пути не появлялся.

Хотя ранее, закрышёванный коптёром молодой солдат вышел из казармы и крикнул мне в курилку: «Слышь, ты Здоровый?». Я был дневальным и понимал, что он пришёл не просто так. Я ответил утвердительно, на что он так же нагло пискнул: «Тебя там зовут?» Я выполнил приказание сержанта и позвал наглеца в сушилку. Держа руки в карманах штанов-галифе, я за 20 секунд объяснил духу, что со старшими так разговаривать нельзя и сейчас он будет наказан. Не вынимая рук из карманов, я чётко пробил носком сапога ему в голень, отчего он без стона и сознания упал на пол. Я перешагнул через него и ушёл. После этого он хромал ещё пару недель.

Прозвище «Здоровый» было снова подтверждено(в Ейске были свои истории) и больше ни у кого ко мне претензий не

было. Это армия - школа для настоящих мужчин.

Дуэль с капитаном.

На срочную военную службу меня призвали в военно-строительные войска и направили в соседний регион. Там был уже сокращённый до двух рот батальон. Я сразу предъявил своё удостоверение киномеханика второй категории и уже через пару месяцев заступил на должность киномеханика-почтальона войсковой части, которую мне освободил старослужащий, ушедший на дембель. Я стал счастливым обладателем маршрутного листа для передвижения по всему городу, приносил в часть письма, посылки и коробки с лентами кинофильмов.

Старослужащим, понятное дело, я их посылки отдавал даром, а свои угощали меня чем-нибудь, так как я предоставлял им помещение клуба для внимательного изучения коробок с гостинцами, чтобы у них сразу всё не поотбирали. Ещё во время курса молодого бойца меня увидел здоровенный сержант по прозвищу «Качёк» и полез щупать мои бицепсы, но я убрал его руки и сказал: «В роте потрогаешь». Он не захотел конфликтовать и был прав, потому что я быстро заработал себе репутацию и прозвище «Здоровый».

Но счастье длилось недолго, сокращение армии продолжалось, и батальон уменьшился до отдельной роты, а меня, в числе других 20 бойцов перевели в мой родной город. Это

было не здорово, потому что родня была рядом, но времена были тяжёлые и мне не хотелось напрягать их расходами, да нас почти и не отпускали домой. Рота с нашим прибытием оказалась полного состава, с нами получилось 121 человек солдат и сержантов, казарма сборно-щитовая, половина кроватей были двухярусные. Но самым «весёлым» было уставное правило ставить сапоги с развешанными на них портянками под табуреткой около своей кровати. В баню в город нас возили раз в неделю, портянки меняли там же, так что вонь в казарме стояла нереальная. Обычая стирать их и условий для этого не было.

В предыдущей части вопрос решался более гуманно – сапоги стояли в сушилке (специальном помещении), и в единственном жилом кубрике пахло мылом, зубной пастой, кремом для бритья и прочим. Все мыли на ночь ноги, а «чуханов», забывших это сделать, быстро выявляли по запаху и пинками гнали в умывальник. Впрочем, мы недели две «приноживались», а потом привыкли. Потихоньку обживались, решали бытовые конфликты, очень плотно трудились на военных объектах.

У нас была отдельная военно-строительная рота, а рядом был такой же батальон из четырёх рот в 600 человек, тут же автобат на 200 душ. Столовая была одна, плац тоже, с нами соседствовала казарма третьей роты стройбата, в которой из 120 человек 93 были дагестанцами, а командиром у них был

русский капитан, который «держал их всех в кулаке». У него был мотоцикл, на котором он ехал метров 500 до КПП на заднем колесе и дневальные стремглав бежали открывать ворота, чтобы не «выхватить» от него «звездюлей».

В нашей роте было 60 процентов судимых за разные преступления, поэтому их не взяли в войска, которым доверяют оружие. Досуга у нас никакого не было, утром разъезжались на объекты, а вечером возвращались поздно, ели в столовой остывший ужин и ложились спать. Солдатской зарплаты хватало на пару блоков сигарет.

Как-то у нас в роте проявился беглец-самоходчик и я с товарищем вызвался устроить засаду на автовокзале, чтобы изловить его. Это была легенда, никого мы не ловили, просто набухались в кафе на вокзале, приехали в часть на частном бомбиле-таксисте, кинули его на деньги и убежали в часть. Дежурный офицер утром доложил ротному, что мы алкаши и нас лишили на месяц и так редких увольнений в город. Беглеца потом поймали без нас.

Однажды, мы опять вернулись с работы поздно, поели холодной рыбы с пюре пришли в роту. В казарме было шумно, и кто-то мне сразу сказал: «В сушилку». Я зашёл в помещение метров в 40 квадратных, где сидели две компании солдат человек по 25, в одной орал магнитофон, а в другой пели песни на гитаре. Никто никому не мешал, потому что все были пьяные и сидели в плотном, табачно-травяном дыму. Мне сразу налили 250 миллилитров водки пополам с ита-

льянским шампанским. Этот «рацион» был получен мною три раза и я быстро достиг стадии остальных. Оказалось, что это дембеля в предверии отъезда домой решили проставиться.

Когда я вышел в туалет, то увидел, что дисциплинированные остатки роты стоят в строю и дежурный по части прапорщик Саша по прозвищу «Лох» проводит вечернюю поверку личного состава. Стоящие в строю солдаты, услышав свою фамилию, говорили «Я!», а за отсутствующих говорили – «В сушилке», и прапорщик старательно ставил в журнале «+».

Закончив такую поверку, прапорщик сбегал в туалет, набрал водички и закрылся в канцелярии, зная, что пьяные и обкуренные солдаты не будут ломать туда дверь, чтобы не попасть в дисциплинарный батальон, который хуже тюрьмы. А так, «лещей» прапору могли надавать легко. Впоследствии, один опиумный наркоман из нашей роты заставил этого прапорщика отдать ему свои ботинки и в ушёл в СОЧ (самовольное оставление части), за что был пойман и осужден.

Трезвые солдаты легли спать, а угашенные зомби начали вылазить из сушилки, поднимать не понравившихся спящих, бить их, издеваться, Впрочем, не до смерти и ладно. В казарме орала музыка, стоял дикий крик, я шел в полностью растёгнутой курточке и в тапках на босу ногу в умывальник, потому что в 23 часа выключали воду. Когда я проходил ми-

мо дневального, которого каждый проходящий считал своим долгом стукнуть или обозвать (я – нет), когда дверь открылась и в казарму зашёл пьяный мужик лет за 35 в офицерской рубашке без погон и синем трико с отвисшими коленями, заправленными в носки. За его спиной стоял какой-то усатый нерусский, невысокий прапорщик в форме.

Дневальный скомандовал: «Дежурный по роте на выход!», но мужик глядя на меня заорал: «Что происходит? Ты чё, боец, тут ходишь, почему не в кровати?» Субъект был мне не знаком, что-то буровил и я спросил его: «Чё ты хочешь?» Он вспыхнул и сказал мне строго: «А ну, пойдём со мной!» Я под воздействием «храброй воды» смело сказал: «Пойдём». Наблюдавший за этим со стороны дежурный по нашей роте не вмешивался, а прапорщик «Лох» предпочёл не высываться из канцелярии. Мудрое, кстати решение, потому что сразу появились бы вопросы, как он допустил такой беспредел в роте.

Мы прошли в казарму соседней третьей роты и зашли в коптёрку. Тут до меня дошло, что это и есть крутой командир роты в чине капитана, а прапорщик – это старшина. Спесь с меня сразу спала, а он развалившись на стуле стал меня унижать словами. Длилось это недолго, я сбросил с себя курточку и остался в одних штанах с военными подтяжками и тапках на босу ногу и провозгласил: «На тебе погон нет, и на мне нет. Пойдём за КПП!» Нарушение субординации было налицо, но капитан был не из того теста. Он

вскочил и сказал: «Пойдём!» Мы уже шли по плацу, на котором было сантиметров 10 снега, когда к нам троим присоединились два старших лейтенанта и два лейтенанта. Они пытались отговорить капитана, говоря: «Товарищ капитан, это же солдат!», но он резко отвечал: «Молчать!» Почти голый, стремительно трезвея на морозе, я тоже уже хотел «включить заднюю».

До КПП было ещё метров 600 и капитану это надоело. Он остановился и сказал: «Здесь!» Я попытался соскочить и сказал: «Товарищ капитан, может быть пойдём в казарму, оденемся-обуемся, а потом...», но он заорал: «Ты трус!» Я молча отшвырнул тапки в стороны и остался босиком на снегу в боевой стойке каратэ-кёкусинкай с высоко поднятыми руками, закрывающими голову. Правая рука у меня была после перелома, но левой я по 40 минут в день поколачивал боксёрский мешок, висевший в сушилке. Офицер осмотрел меня с ног до головы, снял рубашку, носки и тапочки. Мужчина. Комплекции мы были одинаковой, но я лет на 12-15 моложе.

Он двинулся ко мне и я встретил его тремя быстрыми прямыми ударами левой руки в челюсть, сразу же отработал ему колено передней ноги двумя ударами обеих ног и сделал шаг назад. Губы его были разбиты, на грудь обильно текла кровь и он сильно хромал. Это вывело его из себя и он запустил длинный, медленный, боковой удар правой рукой, от кото-

рого я чуть уклонился назад и тут же потушил ему правый глаз левым прямым. Он упал, обливаясь кровью. Офицеры подняли его, но отшвырнул их от себя, подошёл ко мне взял за плечо и повёл за стоящее на краю плаца здание.

Там он начал что-то выговаривать мне оплевывая меня при этом кровью. Я почувствовал, что он меня сейчас опять оскорбит и чуть сместился влево, чего он не заметил. И когда капитан сказал в отношении меня нецензурное слово, я сломал ему нос правым локтем. Он упал без сознания. Вырулив из-за здания на плац и проходя мимо четырёх офицеров и прапорщика я сказал: «Забирайте». Забыв про тапки я пошёл метро 500 к себе в казарму. Настроение было отличное, я победил быстро и легко, и даже не осознавал, что совершил форменное безобразие, а думал, что дуэль. Грудь, руки и нижняя часть лица у меня были сильно забрызганы чужой кровью.

Из нашей казармы также доносилась музыка и дикие крики, видно её больше некому было успокоить, герои закончились. Я распахнул дверь, зашёл в казарму, широко расставил руки и громогласно выпалил: «Кто тут чего-то не понимает?!» Испытавший все ужасы ротного дебоша дневальный, стоявший напротив входа около тумбочки, закрыл голову руками и сполз спиной по стене до полного приседа. Я понял, что переборщил и спокойно велел ему принести воды, чтобы смыть кровь. Тут подбежали ещё не спящие «однопольчане» и спросили, как дела? Я ответил просто: «Ушатал (Фамилия

капитана)». Все офигели и разбежались от меня, как от прокажённого. Я помылся и лёг спать.

Но через полчаса меня подняли и сказали, что за мной пришли. Думая, что это конвой, я оделся по форме и вышел. На входе меня ждал тот самый усатый прапорщик из третьей роты, который сказал: «Пойдём, командир зовёт». Мы снова прошли в их коптёрку. Дуэлянт сидел около стола во всей красе: распухшие губы, как у утёнка, полностью закрытый правый глаз, кожа на носу осталась целой, но расстояние между отломившейся частью носовой кости и остальным черепом залилось кровью и имело фиолетовый цвет, Плюс, он почти не ходил – колено распухло (кёкусинкай – страшная вещь).

Он глянул на меня левым глазом, достал из тумбочки 0,7 литра водки «Распутин» и мы продолжили пьянку. Часа через два мы были уже корефанами, а ещё через час он опять некрасиво пошутил, я по доброму послал его подальше и ушёл спать.

Около 8 утра меня разбудил дневальный и сказал, что меня зовёт командир нашей роты (капитан). Я увидел, что все кровати, естественно, заправлены и я нагло сплю один. Видимо, бойца, совершившего «подвиг», решили не трогать без начальства. Я умыл бесовестную рожу, прилизал волосы, надел форму и шапку, постучавшись, зашёл в канцелярию и доложил о своём прибытии. За столом сидел коман-

дир, а за его спиной стояли два лейтенанта (замкомроты и замполит) и старший прапорщик (старшина). Все смотрели на меня с глубоким интересом. Ротный спросил: «Употреблял вчера?», я, глядя в пол, буркнул: «Употреблял». Он: «А с кем дрался?» Я вздохнул и выдавил из себя: «С командиром третьей роты». Они все переглянулись: это было ЧП окружного масштаба. Командир посмотрел на меня долгим взглядом и отпустил: «Иди отсюда». Я отдал воинское приветствие, и пошёл спать.

К чести моего противника по этой дуэли нужно сказать, что он хода делу не дал, командование тоже укрыло этот факт. Капитан две недели не ходил домой, жил в казарме и восстанавливался. Через месяц меня снова позвали к нему, он выдал мне согласованную с моим командиром увольнительную записку для того, чтобы я сопровождал его четырнадцатилетнюю дочь во Дворец Спорта на чемпионат по каратэ. Он так и сказал: «Лучшего телохранителя для своей дочери, чем ты, нету». Увольнительную я взял, но провожая дембелей на вокзал, опоздал на встречу и не отработал её. Подлец, короче. А через месяц меня перевели обратно в ту часть, где я начинал службу и я утратил с ним связь.

Пожалуйста, ведите здоровый образ жизни, учитесь, получайте новые навыки, думайте о будущем. Всегда везти не может.

Драка в камере гауптвахты.

Зимой 1995 года меня перевели для дальнейшего прохождения службы в один городок на берегу Азовского моря. Проходил я эту срочную службу в военно-строительных войсках, денег у государства не было и задача была простая: находится с девятью солдатами на стройке многоквартирного дома и иногда помахивать лопатами, чтобы имитировать бурную деятельность. Направили меня в эту командировку потому, что мой предшественник, командир отделения, почти двухметровый армянин, оказывал местным девушкам слишком навязчивые знаки внимания и, к тому времени, уже месяц как без вести пропал. Его сильно не искали, просто прислали нового. Мой временный командир – старший лейтенант проживал с женой в офицерском общежитии, а я (в будущем младший сержант) с бойцами в половине сборно-щитовой казармы.

Бойцы инициативно, но с моего одобрения наловили и насушили рыбы, отнесли мешок старлею и он остался с нами надолго, хотя до него офицеры-прапорщики менялись каждый месяц. Молодец! Видимо во-время поделился. Второй мешок тарани мы ели, сколько влезет, и раздавали всем подряд. Офицер жил своей жизнью, три раза в неделю проводывал нас, выписал себе из пункта постоянной дислокации жену. Всё было в порядке, лишь однажды у меня сбежал за 300 км домой один чудака, которого я через три дня нашёл и привёз, за что меня впоследствии демобилизовали из армии

на 15 суток раньше срока. Вообще-то на 45, потому что в качестве командира взвода учебной роты я провёл два курса молодого бойца, проживая с вчерашними призывниками в казарме каждый раз в течении двух недель, делая всё для того, чтобы к принятию воинской Присяги они уже были солдатами.

По вечерам я ходил в казарму роты охраны, в малом кубрике которой был хороший бильярдный стол, где клубились офицеры, в том числе и с упаковками пива на 24 банки. Пиво я, как срочник, конечно не пил, но второе место по игре в бильярд в гарнизоне занял. И вообще, мне был 22 года, за плечами был техникум, первое место в другой области по дзюдо, четыре года плавания, год занятий каратэ-кёкусинкай и значительный опыт драк на улице. Короче, многое тогда было мне по плечу.

Вообще, наша казарма была чем-то в роде клуба для некоторых солдат гарнизона: у нас был свой спортзал, всегда можно было пообщаться, позаниматься спортом, поиграть в шахматы, послушать музыку, слегка выпить, имелись книги.

Часть была авиационной, поэтому снабжение было великолепным: бойцы были одеты в полушерстяную форму, а в столовой солдаты, прапорщики, офицеры до капитана, потом до подполковника питались в разных залах. Полковники же и генералы имели отдельные банкетки. Питание было на выбор минимум из трёх первых и вторых блюд. Гражданские женщины из персонала столовой подкармливали нас всем,

вплоть до чёрной икры. Спасибо им за это огромное.

На носу был праздник «1 Мая» и мы к нему готовились: купили дюжину (12, а то некоторые нынче уже и не знают, сколько это) бутылок водки и почти в открытую положили их в коптёрке (помещении для хранения имущества отделения).

Прокоцанный старлей заявился к нам часов в 11 часов праздничного дня, тут же устроил театральную сценку, обвинив меня и солдат в разложении войск, запер водку в коптёрке единственным ключом и убыл. Понятно, что только до вечера, чтобы черпать из наших запасов «снаряды» для своей вечерней пьянки. Я тут же велел самому дистрофичному бойцу просочиться через решётку единственного окна коптёрки, что он тут же и сделал, вернув вожаденную жидкость в полном объёме «на базу». Двоих бойцов старлей за «могарыч» отпустил на праздники домой, один боец, жил в вагончике на объекте, один оставался в казарме дневальным, один был не пьющим, поэтому оставшиеся пятеро разделились на две команды и ушли гулять.

Наш офицер, пришедший вечером за водкой, дико орал на дневального, но не добился от него ни слова. Полтергейст, короче. Сидящая у него дома компания офицеров с жёнами была в шоке от такого комсомольско-молодёжного безалкогольного приёма. Спиртное они, конечно же, где-то нашли – в России же живём. Нагулявшись на пляже, я с земляком вернулся в казарму затемно. Только успели переодеться

с «гражданки» в форменную одежду, я пошёл в роту охраны помыть на ночь ноги (у нас в казарме воды вообще не было, а в баню солдат водили один раз в неделю), как прямо на входе я увидел пару местных офицеров и нашего командира.

Все были «навеселе», но увидев меня старлей разъярился. Он бросился ко мне навстречу и спросил, где все? Я ответил, что отмечают праздник. Понятно, что на празднике пили водку, которая справедливо не досталась старлею. Он заорал, чтобы я немедленно шёл в казарму, но я, соблюдая субординацию (все пьяные), сказал, что мне сначала надо помыть ноги. Уже трое гарнизонных офицеров с интересом наблюдали за этой сценкой.

Офицер стройбата набрался смелости, ткнул меня пальцем в грудь и заорал: «Товарищ солдат! (на тот момент приказ о присвоении мне звания военный строитель – младший сержант ещё не был издан) Немедленно идите в казарму!»

Офицеры, наблюдавшие за этой картиной, играли со мной в бильярд, со многими я был почти ровесник и мы были на «ты», а этот гнус унижал меня перед ними. Я закрыл глаза, слегка расставил руки в стороны и не громко, но чётко сказал: «Дотронься до меня ещё раз!» и открыл их. Прозвище у него было «Свинья», в его маленьких глазёнках на жирной роже был неподдельный ужас (он знал, что до перевода в этот регион у меня на плацу войсковой части была дуэль с командиром соседней роты-капитаном, закончившаяся для

того плохо), он тут же спрятал руки за спину и строго сказал: «Готовьтесь!» Я обошёл его, поздоровался с офицерами, помыл ноги и вернулся в казарму, где сказал земляку: «Собирайся, брат, сейчас поедem на «кичу» (гарнизонную гауптвахту)».

Через минут 20 в казарму зашли два контрактника лет по 35-40, тот что постарше по-доброму посоветовал взять мыльно-рыльные (туалетные) принадлежности, оставить ремни в казарме и переобуться в тапочки. Видно, им не хотелось принимать что-нибудь от нас на хранение. В кузове караульного «Урала» сидел помощник военного коменданта и «Свинья». Мы с конвоем тоже залезли туда. Старлей прятал глаза, но перед офицером хорохорился. Когда грузовик поехал, комендач «обрадовал» нашего, сообщив, что в камере гауптвахты комендатуры сидят ещё трое его подчинённых. Я сразу понял, что это наши начудили, но старлей в такую подставу не верил, так как в таком случае у него в подчинении оставался один свободный солдат.

Здание было полностью окружено колючей проволокой и поделено на две части: караульное помещение и гауптвахта, которую никто не охранял, некоторые камеры были открыты и завалены поломанной мебелью и разным хламом. «Контрабас» открыл дверь камеры и нам во всей красе представили трое наших весёлых однополчан, одетых в стильные пиджачные пары (галстуки у них, наверное, отобрали). Местный спросил: «Ваши?», а старлей, у которого в зобу всё от

злости спёрло, выдавил из себя: «Мои!...Все мои!...» Нас пятерых закрыли в камере площадью 4 квадратных метра.

Оказалось, что наши коллеги были выпимши и им захотелось кушать, поэтому они в своём презентабельном виде явились в неурочное время в столовую и попросили у женского гражданского персонала чего-нибудь вкусненького. Им, естественно, отказали, но они настаивали ровно до того момента, когда туда зашли два полковника: командиры полка и гарнизона. Силы были неравны, караул в гарнизоне значительный, так мы и оказались вместе.

Через час стало понятно, что все много пили и запивали, и с этим надо что-то делать, крики о помощи были бесполезны, потому что караульные ушли к себе, а туалета в камере не было.

На полу валялся навесной замок в закрытом положении и один горячий южный парень по имени Дима с целью обратить внимание на наше плачевное физиологическое состояние, начал колотить им по трубе отопления. Гвалт поднялся нешуточный и результат не заставил себя ждать. Загрохотали стальные двери и замки, и в камеру ввалились пятеро огромных контрактников от 35 до 45 лет в бушлатах, шапках и со штык-ножами на ремнях. Мы с ними стояли спинами к противоположным стенам, расстояние между нами было чуть больше метра. Один из них грозно спросил: «Кто стучал?», а в ответ 3 секунды тишины. Тогда он спросил:

«Чем стучали?» (потому что в камере не должно быть посторонних предметов). Дима, обладавший одной из самых скромных комплекций из нас, вызывающе выпалил: «Х...ем по лбу!...»

Все они знали меня лично по бильярдному клубу, куда им вход был почти всегда запрещён из-за службы и наличия у стола офицеров (мою спортивную репутацию они тоже знали), поэтому они стали бить моих сослуживцев один на один, а одному бойцу досталось два соперника. Через две секунды, которые я провёл в боевой стойке, сбросив тапки, ожидая удара с обеих сторон (стоял вторым слева), я остался стоять один. И тут же, освободившийся слева от меня контрабас нанёс мне три прямых удара в район головы, но я сбил внутрь руками все его удары и нанёс левой ногой сильный прямой удар ему в солнечное сплетение и он, охнув, впечатался в противоположную стену. Тут же ту же безхитростную комбинацию в мой адрес произвёл соперник справа, и с точно таким же результатом. Мои однополчане были на полу и им было нехорошо.

Я понял, что сейчас меня станут бить впятером, поэтому прыгнул на середину камеры, развёл руки вверх и в стороны и громким гласом (он у меня командный) крикнул: «Всё! Всё! Все уже всё поняли!...» Они стояли вокруг меня полукольцом, смотрели и тяжело дышали (наверное, много курили). Через три секунды их сопенья и стонов моих друзей они, не сговариваясь быстро вышли из камеры, закрыли все

двери в обратном порядке и всё утихло. Я начал поднимать ребят, спрашивать, как они. Хотя я и не получил ни одного удара, нам всем было плохо, потому что в туалет мы так и не попали. Ситуация была критической.

И вдруг, все двери опять залязгали, мы снова стали у стены и приготовились к последнему бою за свободу от смерти от уремии (разрыва мочевого пузыря), но в камеру зашёл один пятидесятилетний караульный с седыми усами, показал на отрытую дверь напротив нашей камеры и сказал: «Идите в туалет, сынки!» Мы ринулись туда, стали вокруг одного «очка» и стали воистину свободными. Спасибо этому доброму человеку.

На следующий день нас разделили, так как косяки у нас были разные, но мы умудрялись открывать камеры изнутри и ходить друг к другу в гости. Через пять дней «Свин» походатайствовал, чтобы меня с земляком выпустили, так как надо было кому-то работать и командовать, братья сидели по полной 15 суток. Кстати, с Димой общаемся до сих пор, он очень умный и большой человек. Хотя встретились случайно, по моей инициативе через 20 лет.

Станичные мотоциклисты.

Кубань - благодатный край, здесь есть всё: поля, горы, реки, море, поэтому она всегда была густо заселена. Наш тер-

риториальный пункт милиции обслуживал оперативную зону из семи населённых пунктов с населением 24000 человек, а станице – столице района жили 12000 из них. Школ было восемь и все они были под моим попечением. Нас было 16 человек и мы, в целом, контролировали оперативную обстановку.

Я был ещё стажёром по должности инспектора по делам несовершеннолетних, занят по службе очень плотно, потому что до меня уже два года здесь инспектора не было и все дела, а в особенности документация, были сильно запущены. Я уже давно перестал регулярно заниматься спортом, но опыт занятий плаванием, классической борьбой, дзю-до, каратэ и рукопашным боем, как говорится, не пропёшь, поэтому меня часто звали с собой, выезжая на серьёзные происшествия, участковые уполномоченные милиции (УУМ) и сотрудники патрульно-постовой службы (ППС).

Автомобиля у меня тогда уже-ещё не было, поэтому я напрашивался попутно к каждому сотруднику, так как у них были свои административные участки, а по линии несовершеннолетних я перекрывал всю оперативную зону за себя и без всяких доплат за вакантную должность. Если им не предстояло проводить силовые задержания и моё участие не особо требовалось, то брали меня неохотно. Участковый мог ехать, кроме службы, за могоарычём (благодарностью за оказанную помощь), побухать к кому-нибудь в гости, да и просто протеряться со службы, в таких случаях я был для них

обузой, а указанные приятные точки на карте им приходилось объезжать. Я был стажёром по капитанской должности, то есть в будущем равный им, поэтому они предпочитали не рисковать и всё-таки брали меня на борт.

На службу приезжал, подсаживаясь к начальнику или старшему участковому, проживавшими в городе, а по вечерам я регулярно просил ППС-ников остановить мне попутный автомобиль до города, а если повезёт, то и сквозь весь город до дома. Некоторые из них начинали выёживаться, говорили, что у них нет жезла, хотя права работать по линии безопасности дорожного движения были и у участковых и у ППС. Но, после того, как я как-то взял у них со стола резиновую дубинку ПР-73 весом 730 грамм и 65 см длинной, унёс к себе в кабинет, наклеил на неё две полосы бумаги, и в торжественной обстановке вручил им этот импровизированный жезл, они стали слушаться. А когда меня назначили на должность и присвоили звание лейтенанта милиции, то при любом совместном выезде я автоматически становился старшим наряда.

Командиром отделения ППС у нас был Олег, невысокий, но крепко сбитый, грамотный, ответственный и не знающий страха прапорщик милиции, поэтому на все развлекательные мероприятия офицеры приглашали и его. Бойцы же его жили своей жизнью и выполняли приказы. Служебный автомобиль ВАЗ-21063 был только у начальника, поэтому все

сотрудники передвигались на своих автомобилях, но договоры с ОВД (Отдел внутренних дел) о безвозмездном использовании личного транспорта были заключены и некоторое количество горюче-смазочных материалов выдавалось. Олег ездил на собственной раздолбанной ВАЗовской «пятёрке» вишнёвого цвета.

Стаж службы у меня был чуть больше месяца, я уже объехал всю свою оперативную зону и постепенно наводил порядок в служебной документации, когда в пятницу в районе 17 часов ко мне в кабинет вошёл Олег и попросил проехать с ним на драку в станице. Я был в джинсах и футболке, а Олег в форменной одежде и при оружии. Мы тут же прыгнули в его «пятёрку» и помчались.

Картина была очень живописной: на улице находились около десятка женщин и 5-6 детишек, часть которых оказывали помощь двум избитым мужчинам, а остальные голосили или ругались с двумя мужиками, сидящими друг за другом на мотоцикле. Мы поняли, что агрессоры уже сделали своё дело и могут улизнуть (гоняйся за ними потом). Нам повезло, что мы подъехали сзади мотоцикла на гражданской машине и из-за поднятого народом гвалта нас никто не заметил. Оба мужчины были лет за тридцать, за рулём сидел среднего роста, сзади повыше, оба громко ругались матом и были явно пьяны.

Женщины воодушевились, увидев Олега, которого вся станица знала, а я был новеньким. Прапорщик подошёл сле-

ва к мотоциклу и заговорил с водителем мотоцикла. Из-за крика женщин и детей ничего не было слышно. Я подошёл сзади справа от мотоцикла и приготовился к броску. Разговор у милиционера с водителем оказался очень эмоциональным и коротким: дебошир попытался ударить Олега кулаком в лицо, но тот сделал шаг назад и хулиган упал с мотоцикла. Они с Олегом сцепились, а я толкнул ногой мотоцикл, который упал на левый бок вместе со вторым хулиганом, пытавшимся прийти на помощь собутыльнику (меня он просто не заметил).

Как потом выяснилось у того, что сцепился с Олегом в жилах текла в том числе и цыганская кровь, поэтому будем звать его Ромой (цыгане называют себя ромалэ), а второй был повыше ростом, поэтому назовём его Длинным.

Я всем телом навалился на упавшего длинного и произвёл загиб его правой руки за спину. Наручники мне ещё не были положены, а у Олега их тоже не оказалось.

Но длинный не собирался сдаваться! «Зелёный змий» в его организме яростно сопротивлялся попытке обуздать его, поэтому он, придавленный мною лицом к земле, повернул две нижних трети своего тела на левый бок принялся колотить своим правым коленом меня по спине, при этом продолжая пытаться освободить свою руку. Я много лет боролся и не всякий удар мог пробить мою спину. В общем мы минуты три-четыре барахтались на дороге, сохраняя, впрочем, статус кво (текущее положение - латынь).

У Олега иммобилизовать (обездвижить) Рому вообще не получалось: они боролись, катались по земле, но верх никто не брал. Длинный наконечник-то выдохся и стал меньше шевелиться подо мной. Я стал следить за схваткой напарника, а зрители громко продолжали болеть за представителей исполнительной власти. Наконечник Олег с Ромой с трудом понялись в стойку и тяжело дыша молча смотрели друг на друга. У Олега был пистолет, но предполагалось, что мы специально обученные люди и обязаны в единоборстве справляться почти с любым противником, поэтому применение оружия в данной обстановке никто бы не простил и уголовное дело было бы возбуждено в отношении милиционера.

Понимая это, Олег чётко ударил Рому кулаком в нос. Тот от боли рефлексивно схватился за лицо руками, и Олег тут же загнул ему правую руку за спину и положил мордой на землю. Мы находились в доминирующих позициях, победили, короче. Оказалось, что жители потревоженного квартала в ходе нашего не сильно удачного силового задержания неоднократно звонили по номеру «02» и к нам прибыла подмога с наручниками. Хулиганов застегнули и отвези в ТПМ (территориальный пункт милиции), а удовлетворённый народ разошёлся по домам. Оказалось, что наши алкаши проезжали по этому кварталу в непотребном виде, вели себя неприлично, оскорбительно приставали к гражданам, а на замечания отвечали побоями. Мотоцикл закатали в участок.

Опыта оформления таких задержанных у меня ещё не бы-

ло, но я только что окончил третий курс юридического факультета имея уже высшее педагогическое образование, поэтому понимал, что каждое действие будет иметь правовые последствия. Оказалось, что с такими пациентами принято: просто провести профилактическую беседу и отпустить; составить административный материал и оштрафовать своей властью или доставить в ОВД для помещения в камеру для административно задержанных до суда. Сопротивление сотрудникам милиции без нанесения им серьёзных телесных повреждений за преступление вообще не считалось.

Оказалось, что Ромка хорошо знает нашего старшего участкового в чине майора и начал активно ему на нас жаловаться, перевирая абсолютно все факты. Майор был человеком-горой осетинского происхождения и, естественно, имел в участке (так мы называли наш территориальный пункт) определённый вес. И, о чудо! Майор поверил цыгану и фактически начал обвинять нас в превышении полномочий. Я понял, что при такой диспозиции, моя служба в органах внутренних дел может закончиться очень быстро и совсем нехорошо, поэтому мы с Олегом вдвоём начали оформление задержанных за мелкое хулиганство, сопряжённое с сопротивлением сотрудникам милиции по полной программе.

Олег привёз пару свидетелей событий и я письменно их опросил, а также составил честный рапорт по факту случившегося, который майор тут же забраковал, сказав, что нас

тут тогда всех пересажаяют. Я снова увидел в этом явную заинтересованность, но рапорт переписал в более спокойном стиле. Проинструктированный майором Роман спокойно сел в машину к Олегу, чтобы ехать в ОВД, а Длинному наручники тоже уже не понадобились, потому что его сильно сопротивлявшаяся мне правая рука с виду была целой, но пользоваться ею он от боли не мог вообще.

В дежурной части (ДЧ) нас сразу отправили вместе с ними в центральную районную больницу (ЦРБ), потому что цыган был с разбитым носом, а Длинный не владел рукой и нам нужно было получить справки, о возможности обоих пациентов по состоянию здоровья содержаться в изоляторе временного содержания (ИВС). Кроме того, в ДЧ нам подсказали, что их надо обязательно освидетельствовать на наличие в организме алкоголя, потому что вспомнили, что несколько лет назад Длинный уже сбивал фуражку с милиционера, и тот во время силового задержания сломал ему руку, за что и был осужден и уволен из органов.

Мы поняли с какой мразью нам довелось связаться и поехали в больницу. Там мне пришлось применить всё своё актёрское мастерство, чтобы в отдельном помещении в красках расписать медикам всю эту историю. При этом задержанные в коридоре приёмного покоя уже прямо обрадовали нас, что предпримут все меры, чтобы посадить нас в тюрьму. Но необходимые справки уже были в моей папке и мы вернулись в Отдел.

Когда весёлые ребята поняли, что они всё-таки будут ночевать в камере, они попросились в туалет, который находился во дворе Отдела. Сопровождение туда тоже негласно входило в обязанности сотрудников, доставивших задержанных, поэтому мы сделали и это.

За четыре минуты пути туда и обратно уже в темноте цыган устроил именно в отношении меня жёсткую провокацию: прямо говорил, что выйдя на свободу, он обязательно превторит в жизнь в отношении меня все свои сексуальные фантазии, расписав их конкретно. С первых же его слов Олег притронулся к моей руке и молча помотал головой. Я понял, что это последний шанс этих скотов поменяться со мной местами в камере. Мне был 31 год, за которые я никогда не слышал ни в чьей адрес таких грязных выражений. Меня всего трясло от ярости, в другом месте и ситуации я, может быть, его даже убил голыми руками и ногами.

Погрузив уродов в камеру, Олег отвёз меня домой и сказал во-сколько завтра заедет за мной. Дело в том, что именно мы, ради своей свободы, должны были в субботу везти наших новых «друзей» в суд, чтобы им дали до пятнадцати суток ареста, иначе они бы дошли до прокуратуры с жалобой на нас, что они всё время и обещали сделать. А нам нужно было обеспечить утрату ими «боевого настроя» за время изоляции от общества в камере. Дилемма!

Утром мы забрали протрезвевших и притихших алкашей

из Отдела и повезли в суд. Правая рука Длинного уже висела на перевязи, с трудом работала только кисть. Выяснилось, что в субботу в суде никого нет, о прибытии судьи надо договариваться заранее. Мы пока гадам ничего не стали говорить, чтобы они не воспряли духом, а я лихорадочно думал, что делать.

Я уже пару лет был воцерковленным, когда пришёл в милицию даже не ругался матом, часто бывал на службах в мужском монастыре в городе Тимашевске, постоянно посещал свой приходской храм. В стажёрском удостоверении у меня лежала иконка моего небесного покровителя святого благоверного князя Александра Невского, к которому я и обратился с молитвой прямо на лестничном пролёте в здании суда.

Только я закончил молиться, как по лестнице поднялась дама лет под 40, державшая себя с большим достоинством. Она прошла в один из кабинетов и я, подождав пару мину, постучался и нырнул за ней. В ход опять пошла вся моя сила убеждения, подстёгиваемая жаждой остаться на свободе и дослужиться хотя бы до полковника. Внимательно выслушав меня, судья сказала, что находится в отпуске и набрала на стационарном телефоне номер. Когда ей ответили, она попросила председателя суда поставить её в этот день в график дежурств, чтобы рассмотреть наши материалы, мол милиция очень просит.

Окрылённый, я поблагодарил эту добрую женщину, сгоял в магазин за дежурной банкой кофе и коробкой конфет. У цыгана оказался дома маленький ребёнок и ему дали одни сутки ареста, то есть из камеры его выпустили через 4 часа после суда, а Длинный «завис» на 5 суток. Короче, наши действия, решением судьи были признаны законными и шансов обжаловать наши действия было крайне мало. Опустив головы, арестованные молча уехали в камеры, а мы с Олегом при расставании даже обнялись, потому что избежали большой беды. Нервов было потрачено немеряно.

С тех пор мы с Олегом будто побратались и стали доверять друг другу почти безраздельно. Я получил неоценимый опыт решения служебных вопросов, сделал определённые выводы о старшем участковом, дверь кабинета которого была напротив моей. Жалко, что лет через пять Олежек ушёл на пенсию, спился и умер от цирроза печени, едва пережив сорокалетний рубеж.

Сознательно прекратив употреблять спиртное, я всем советую поступить так же, потому что ужасающая статистика совершения преступлений в состоянии алкогольного опьянения говорит сама за себя, да и зачем тратить своё здоровье на такое нехорошее дело.

Троллейбус (2005 год) и колонна автобусов(2018 год)

Эта история произошла летом 2005 года в Краснодаре, ко-

гда меня – инспектора по делам несовершеннолетних вместе с двумя участковыми и одним инспектором ППС направили на учёбу.

Каждый сотрудник милиции, как и сейчас полиции, был обязан пройти первоначальную подготовку, без которой его не должны были допускать к несению службы, связанной с применением физической силы, огнестрельного оружия и специальных средств. Но, конечно, план направления на эту подготовку никогда не соблюдался: то сотрудник занят по службе, то в учебном центре заняты все места. Дел на службе всегда было полно, поэтому кто-то придумал приказ о том, что офицеры могут проходить первоначальную подготовку заочно (сержанты жили «на казарме» полгода).

Раз в месяц мы садились в автомобиль одного из нас, скидывались на бензин и ехали из Славянска-на-Кубани в Краснодар. Там мы целый день конспектировали лекции, кувыркались в спортзале, стреляли в тире и вечером возвращались домой, а на следующий день выходили к себе на службу.

После учёбы мы сели в «Ниву» старшего участкового и поехали домой. Двигаясь по улице Северной мы подъехали к образовывающемуся на наших глазах дорожному затору. Водителю троллейбуса, женщине средних лет, нужно было перевести его с первой полосы в третью(крайне левую), чтобы повернуть на улицу Тургенева в сторону одноимённого моста. Для этого ей надо было переставить «рога» троллейбуса налево на другую линию. Одному этого не сделать, поэтому

из второго троллейбуса, припаркованного в крайне правой полосе, вышла ещё одна дама и села за руль первого. Троллейбус перекрыл две с половиной полосы, но дальше ехать не мог, так как автомобили со всех трёх полос начали обходить его слева, затем поток транспорта опять распределялся на все три полосы и двигался дальше. Никто не обращал внимание на то, что позволив троллейбусу уехать, можно будет беспрепятственно ехать по всем трём полосам. Мои коллеги с большим стажем работы чем я продолжали пассивно наблюдать за бесплодными попытками двух женщин восстановить нормальное дорожное движение.

Моего терпения хватило секунд на тридцать. Я сидел в «Ниве» сзади справа, поэтому сказал впереди сидящему: «Выпусти». Он и водитель недоумённо глянули на меня и спросили: «Зачем?» Я резко ответил: «Вылазь!», и пока он выходил из машины, а я, сложив спинку переднего сидения, вышел из машины со словами: «Думаете я буду с вами в машине сидеть пока на дороге такое твориться?!» Я точно знал, что других милиционеров вокруг нет, и никто не решит эту проблему.

Я одел на голову пилотку и пошёл к троллейбусу на ходу доставая из нагрудного кармана форменной рубашки металлический свисток. Повернувшись спиной к корме троллейбуса, я поднял правую руку вверх и подав сигнал водителям автотранспорта свистком, остановил движение, разрешив беспрепятственно проехать только инкассаторской ма-

шине. После этого я сказал обрадованной женщине с ремнями троллейбусных «рогов» в руках: «Вперёд!» Она быстро сориентировалась и через минуту оба троллейбуса продолжили движение по своим маршрутам. Водитель троллейбуса очень искренне поблагодарила меня(я кивнул в ответ), водители стоявшего в заторе транспорта восприняли всё как должное, а по моему возвращению в «Ниву» коллеги не смогли удержаться, чтобы не выразить мне своё «восхищение». Конкретно они сказали: «На х..р оно тебе было надо?!» Мне им было нечего сказать...

Зимой 2018 года я продолжал службу в должности начальника отдела участковых и по делам несовершеннолетних Управления МВД России по г. Петропавловску-Камчатскому в чине подполковника. Мне как раз выдали новый «УАЗ-ПАТРИОТ», на борта которого нанесли все нужные цветографические схемы, надписи, а на крышу установили люстру с проблесковыми маячками синего цвета. Также под капот было установлено специальное громкоговорящее устройство с сиреной. Я активно пользовался спецсигналами для проезда к месту происшествия, задержания нарушителей дорожного движения (хоть и не «гаишник», но мимо никогда не проезжал).

Как-то раз проезжая вечером по Ленинскому району я увидел на противоположной стороне улицы на автобусной остановке человек двадцать народу, ожидавших обществен-

ный транспорт. Среди них были парень и девушка, припивавшие из жестяных банок пиво. Я остановился в левой полосе, включил проблесковые маячки, взял в руки микрофон СГУ и сказал: «А ну-ка выбросили пиво в урну!» На несколько сотен метров вокруг обернулись ВСЕ люди. Парень с девушкой стояли и смотрели на мой служебный автомобиль, как замороженные. Видимо в Петропавловске ТАК наводить общественный порядок было не принято(я то прибыл с Кубани). Я подождал пять секунд, все люди вокруг тоже с интересом подождали. Я снова сказал в микрофон: «Немедленно выбросили пиво в урну! Если я выйду из машины – будет хуже!» Парень с девушкой положили банки с пивом в урну. Я сказал в микрофон: «Счастливого пути!», выключил проблесковые маячки и продолжил движение. Народ в страхе и восторге смотрел на полицейский автомобиль, а правонарушители стояли съёжившись под укоризненными взглядами прохожих.

Той же зимой я передвигался на этом же «УАЗе-ПАТРИОте» вверх по улице Космонавтов и увидел, что светофор не работает, транспорт движется в попутном и во встречном мне направлении бесперебойно, на левой полосе встречного направления скопилось, кроме большого количества легкового транспорта, больше двадцати автобусов, которым нужно было повернуть налево в сторону микрорайона «Горизонт». Но никто и не думал уступать дорогу общественному транспорту, да и другим участникам дорожного движения,

не имеющим преимущества.

Тогда я, оценив обстановку, ловко поставил «ПАТРИОТа» наискосок, перекрыв центральную и частично левую и правую полосы движения, включил проблесковые маячки, тем самым остановив движение в попутном мне направлении. Не долго думая, водители автобусов начали движение и ВСЕ повернули налево. С ними, конечно, проскочило большое количество легкового транспорта. Всё это заняло три с половиной минуты. Я выключил проблесковые маячки и продолжил движение. Участники дорожного движения, наверное, восприняли это как должное, хотя на борту «ПАТРИОТа» была аббревиатура «УУП» - участковый уполномоченный полиции. Я точно знаю, что из всего личного состава подразделений полиции, может быть, кроме ГИБДД, так поступили бы единицы...

Здесь ничего не будет!

Мне, как и многим школьникам Советского Союза, повезло. В моей школе был 25-метровый бассейн (ДЮСШ), в трёх кварталах от неё располагался спортивный клуб армии - спортивная школа единоборств(СКА-15), поэтому со второго класса я начал заниматься плаванием, а с третьего пошёл на классическую борьбу. Затем перешёл на дзю-до, где стал первым в области. Будучи студентом техникума я год за-

нимался каратэ кёкусинкай, где мне поставили правильную технику ударов ногами.

После армии я уже как сотрудник личной охраны занимался армейским рукопашным боем у старшего тренера Северо-Кавказского военного округа Николая Петровича Потапова. Таким образом, я был хорошо подготовлен физически и морально, привык переносить тяготы и лишения, заступаться за слабых, добиваться справедливости. Особенно этому поспособствовал коллектив СКА-15, состоящий из военнослужащих от прапорщика до подполковника. Они прививали нам понятие о совести, чести и взаимовыручке.

Отдельно нужно упомянуть нашего военрука в техникуме - танкиста полковника Давыдова Егора Даниловича. Он приучил даже самых нерадивых носить костюм с галстуком, всегда иметь в левом кармане брюк свежий носовой платок, а в правом расчёску. Кроме того, учебные пары у него всегда начинались с натурального армейского утреннего осмотра, на котором сразу вручались ножницы для обрезки ногтей (иногда даже на ногах), или один советский рубль, чтобы ко второму уроку пары студент был уже подстриженным.

И с огромной любовью и благодарностью я вспоминаю своего отца – Мещерякова Кима Ивановича, который был честным человеком и привил мне любовь к чтению книг, откуда я и почерпнул многочисленные примеры правильного мужского поведения: любить Родину, честно трудиться, не быть сребролюбивым, защищать слабых, обладать благород-

ством души. Сразу, конечно, так не получилось, но со временем всё пошло на лад. Сейчас молодёжь зависает в социальных сетях, где враги рода человеческого активно пропагандируют культ денег, разврата и сопутствующих с ними зависти, жадности и подлости.

А многие люди в высоких креслах, которым по своим должностным обязанностям положено обеспечивать здоровые экономику, культуру, образование, здравоохранение и оборону, делают всё наоборот: расхищают бюджет, чахнут, как Кощей, над украденным золотом, развращают своих детей, отправляя их учиться и жить на несправедливо заработанные средства за границу.

Педагогический же фундамент мне заложили преподаватели Ростовского государственного педагогического университета и Кубанского государственного университета на факультетах физического воспитания и истории соответственно, где я научился понимать необходимость правильного обучения, воспитания, физического и интеллектуального развития детей с учётом их возраста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.